

Никитский Александр Васильевич

Речи Исея и Демосфена

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Васильевич Н.**
Речи Исея и Демосфена / Никитский Александр Васильевич – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 309 с.

ISBN 978-5-519-99671-6

ISBN 978-5-519-99671-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

чимъ о полубогѣхъ. Божества считались неспособными къ краснорѣчію, и Алкивіаду приписывается у Плутарха фраза: "пусть нравятся на рѣчахъ дѣти и евандеи, какъ какъ они не сумѣютъ говорить" (βαλκύνεσθαι)". — греки, заботливы, остро различали $\chi\acute{\alpha}\tau\epsilon\nu$ отъ $\chi\acute{\alpha}\lambda\epsilon\iota\nu$, говоря напр. $\chi\acute{\alpha}\lambda\epsilon\iota\nu$ $\delta\rho\iota\tau\omicron\varsigma$, $\chi\acute{\alpha}\beta\upsilon\upsilon\alpha\tau\iota\tau\alpha\tau\epsilon\varsigma$ $\chi\acute{\epsilon}\tau\epsilon\nu$. И по Платону, афиняне считались любящими говорить и слушать другихъ, но не болтать.

Съ прогрессомъ образованія, съ распространеніемъ новыхъ вѣяній, устарѣвшихъ завершеніе старинныя традицій, большій просторъ для обсужденія, постепенно развивалось сильнѣе и краснорѣчіе. Афиняне не только могли сказать, что они скорѣе и лучше другихъ грековъ воспринимали разныя вѣянія извнѣ, напр. изъ египетскихъ, и въ свою очередь усвоенное такимъ образомъ быстро развивали дальше самостоятельно, доходя до совершенства. Уже во времена Солона и Клистрата въ Афинахъ замѣчается развитіе образованности. Уже въ то время тамъ заимѣли литературныя интересы; уже тогда въ Афинахъ являлись поэты; уже тогда въ Афинахъ надо слѣдить за всякой новизной. Демократизація афинскаго государства еще болѣе усиливаетъ потребность въ краснорѣчіи. Въ Афинѣ всѣ важнѣйшія городскія дѣла рѣшаются народнымъ собраніемъ. Компетенція властей дробится и значеніе ихъ ослабляется путемъ установленія годичнаго срока службы и отчетности. Въ рукахъ овлаивающихъ лицъ

власть весьма незначительна, не исключая и богатых граждан, так как их богатства беззастенчиво подкупить народная масса, участвующая в собраниях, особенно по установлении плат от государства за это участие. В эту эпоху и является необходимым условием влияния — дарь словачи искусство красноречия; правильный тот, кто убивал массы; история называет нас именами таких лиц, как Демистокл и, особенно, Перикл, который, не смотря на свое положение только в роля одного из 10-ти стратегов, благодаря именно силе своего слова и прайт руководящую роль в военном государстве в течение многих лет. С уменьшением власти ареста усиливается суд преемников (геластов); число которых было весьма значительно: 5000 (6000) ежегодно. При неполноте и некоторой запутанности аттических законов было невозможно требовать от геластов, которые бывали военными гражданами, основателями законотворчества и законодательства. А на обязанности присяжных не только произнесение приговора, но и иногда определение приговора (именно в прецедентах и т.д., т.е. достижении преступлений; за которые кара не была предусмотрена в законах). Таким образом, для успеха на суд тяжущимся нужно было не только (и, пожалуй, даже не столько) знание законов и сознание своей правоты, но и умение подбивать настроение присяжных. Не имела бы отменить, что в Афинах

разнаго рода тяжёлых дѣлъ, крупныхъ и мелкихъ, на-
коплялась масса, и въ афинскихъ гражданахъ развива-
лась, такъ сказать, страсть къ судововеренію; эта
страсть достигала такихъ размѣровъ въ эпоху гегемо-
ніи Аѳинъ, когда и союзники обязывались обращаться
къ афинскому суду, что Аристофанъ считаетъ не лишнимъ
подвернуть ее осмѣянію (въ комедіи "Осы").

Аѳиняне вообще обнаруживали большую любовь къ красо-
тѣ независимо отъ способовъ ея проявленія; красоты они
искали и въ ораторскомъ словѣ, а потому съ теченіемъ
времени и въ народномъ собраніи, и въ судѣ могли расчи-
тывать на усніхъ не только то, что, кому убѣдительно и
правдиво говорить, но главнымъ образомъ то, что го-
ворить красиво; сообщая своей рѣчи художественную об-
работку.

По афинскимъ законамъ каждый долженъ былъ вести
свое судебное дѣло самъ безъ помощи адвокатовъ (съ по-
слѣдними мы встречаемся только въ рѣдкихъ случаяхъ
именно въ видѣ назначаемахъ со стороны государства
для защиты въ той или другой формѣ общегосударствен-
ныхъ интересовъ). Если судебное дѣло было частное, т.е.
возникшее отъ частныхъ гражданъ, выступать ораторомъ
долженъ былъ онъ самъ; кромѣ него и обвиняемаго гово-
рить на судѣ разрешалось только лицамъ, причастнымъ
этому дѣлу; этимъ правомъ пользовались родственники и
друзья тяжущихся, нередко злоупотребляя имъ. Обыкновенно

венно къ такимъ дубьямъ тянуіеся прибѣгали, не надѣясь на свои ораторскія способности. Часто такие тянуіеся въ Афинахъ, зная, что недостаточно быть правымъ, заказывали рѣчь соитному оратору и; выучивъ ее наизусть, произносили на судѣ; эти ораторы, составлявшіе рѣчи по заказу, назывались *αγογογράφος*. Такимъ образомъ возникъ цѣлый классъ писателей рѣчей по заказу, вскорѣ потерявшій всякое къ себѣ уваженіе (въ логографской дѣятельности, напр., упрекали Демосеена). Дѣятельность эта сама по себѣ не заслуживала упрека; но иногда логографы писали рѣчи одновременно для обѣихъ тяжущихся сторонъ. Итакъ, характеръ афинскаго суда производствѣ обусловленъ возникновеніемъ даже особаго рода литературной производительности.

При всѣхъ благовріятныхъ для развитія ораторскаго слова условіяхъ однако неафиняне полагають начало ораторскому искусству, какъ теоріи. Зачатки теоретическаго обученія слову возникаютъ, по древнимъ свидѣтельствамъ, въ Сициліи въ Увѣкѣ. Первыми такими учителями называють Эмпедекла Акрагентскаго, Коранса и Лисія, — послѣдній, быть можетъ, вліялъ на извѣстнаго афинскаго оратора Лисія. Болѣе опредѣленные свидѣтельства о вліяніи иностранцевъ на развитіе афинскаго ораторскаго искусства мы имѣемъ по отношенію къ софистамъ. Первымъ изъ нихъ былъ Протагоръ Абдерскій; въ его время не было еще теорій, опредѣлен -

нихъ правилъ ораторскаго искусства, а учителя предлагали своимъ слушателямъ только образцы рѣчей, въ которыхъ развивались общія мѣста (*loci communes*); ли-
цо, владѣвшее большимъ запасомъ такихъ *loci*, пользова-
ясь ими примѣнительно къ обстоятельствамъ, могло сво-
бодно выступать въ роли оратора. Учителя краснорѣчія
также давали предисловія (*prooimia*), цѣль которыхъ
было возбудить благосклонность и вниманіе въ слушате-
ляхъ, а также указать участіе дѣла для него удобопо-
нятности. И въ дошедшихъ до насъ собраніяхъ древнихъ
рѣчей мы встрѣчаемся со сборниками подобныхъ *prooimia*.

Далѣе мы встрѣчаемъ имя Горгія Леонти-
скаго одновременно и оратора, и софиста, и учите-
ля краснорѣчія. Онъ уже обращалъ вниманіе на вышнія
особенности рѣчи, какими приемами можно привлечь вни-
маніе слушателей. Въ своемъ сочиненіи "о природѣ или
о несуществующемъ" Горпій доказывалъ, что природа не
существуетъ, а если она и существуетъ, то она непости-
жима, а если она и постижима, то знаніе о ней невоз-
можно передать другому. Изъ этого и подобныхъ положе-
ній софистовъ объ относительности нашего знанія лег-
ко вытекало слѣдствіе, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ
вещей, что обо всемъ можетъ быть только въроятное по
обстоятельствамъ мнѣніе и что возможно, смотря по об-
стоятельствамъ, убѣждать людей въ справедливости и не-
справедливости одного и того же мнѣнія. Этотъ Горпій

прибыль въ Аены въ 427 году для склоненія аенинцев къ союзу съ сицилійскими городами, и произнесъ рѣчь на эту тему въ народномъ собраніи. Историкъ Діодоръ Сицилійскій (XII, 58) говоритъ о впечатлѣніи, произведенномъ этой рѣчью. Необычайность формы она дала толчекъ къ увлеченію ораторскимъ искусствомъ. Горгіій наполнилъ себя массою учениковъ, говорилъ предъ ними образцовыя рѣчи, взмечывая при этомъ плату. Особенно извѣстны такъ-называемыя "Горгіевы фигуры" (σχήματα); чаще всего онъ прибѣгалъ къ слѣдующимъ техническимъ украшеніямъ: къ сравненіямъ, антитезамъ (онъ особенно привился къ аенинской художественной прозѣ), παρθεσις (сопоставленіе двухъ выраженій, равныхъ по объему), παρομοσις (сопоставленіе выраженій, сродныхъ по звуковому составу) и игрѣ словъ (παρονομασία) и т.п. Насколько эти техническія украшенія бросались въ глаза своей искусственностью, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: τοῦτα τοὺν ἀνθρώπων ὁ πόθος οὐ συνάπτεται, ἀλλ' ἀθάνατος ἐν ἀσπίδατος σφίλαι· καὶ οὐ ζήντων. Рѣчи его обращали на себя вниманіе не только этими фигурами, но и употребленіемъ поэтическихъ и архаическихъ словъ и слишкомъ смѣлыхъ метафоръ (χλώρα κηρὶς· κλῆμα· πράγματος); необычныя сложныя слова (πτηρόμοιρος), перифразы или описательныя выраженія — все это также особенности Горгіева стила, новизной увлекавшія слушателей Горгія. Точно также и другіе софисти

були ораторами, промовець овеи рѣчи публично, напоказъ. У Продика Кеесского въ сочиненіи підъ заглавіємъ "περί ὁρθότητος ὁμιλίαν" закликалаь, віроятно, первая синениника. Ёще нуино въ качествѣ учителя краснорѣчія назвати Θρασιμαχα Χαλκιδωνοκαго, обрацавшаго вниманіе на ритмичность и періодичность рѣчи (до него була въ употребленіи преимущественно λείψανος ῥημάτων — нацѣпляющая, наизываемая рѣчь). Подъ ритмичностью здѣсь разумѣется мірность рѣчи — обязательное соетство стиха; съ Θразимаха она въ нѣкоторой степени вводится и въ прозаическую рѣчь. Ёму также принадлежало вліяніе на развитіе зейнаго краснорѣчія.

Далѣе мы перейдемъ уже къ зейнскимъ ораторамъ. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ назвати А н т и ф о н т а, — и политическаго дѣятеля, и учителя краснорѣчія, и оратора, и уже логографа. Ёго рѣчь, произнесенная имъ самимъ въ заступу противъ обвиненія въ вонитиі нисировергнуть гоударственный строй, считалась блестящей. Напомню установившіяся въ реторикѣ схемы рѣчи или подраздѣленія рѣчей. Считались какъ бы обязательными въ рѣчи слѣдующія части: 1) вступленіе (προοίμιον), 2) повѣствованіе (διήγησις), 3) доказательства (ἀποδείξεις) и, наконецъ, 4) заключеніе (ἐπίλογος). Краснорѣчіе дробится на п о л и т и ч е с к о е (рѣчи въ народномъ собраніи и въ советѣ) — συμβουλευτικὸν γένος, с у д е б -

и о е (обвинительный и защитительный рѣчи) — «ὀκνη-
τὸν ὑμέω», по ка з н о е или термическое: «πρo-
σφύττε» — «ἐπιβέβηκτον ὑμέω» (въ послѣднемъ ораторъ
старается достичь не столько какой-нибудь цѣли, сколько
себя показать и доставить удовольствіе своимъ слу-
шателямъ; эти рѣчи произносились болѣею частью на
праздникахъ — «ἐορταῖς» — городскихъ или общегородскихъ).
Антифонъ былъ особенно силенъ въ доказательствахъ и
менѣе силенъ въ разсказахъ. Отсюда можно видѣть, что
онъ — ораторъ — техникъ, а что ораторское искусство у не-
послѣдней степени высокой степени развитія. Если ora-
торъ прошелъ школу, то онъ равно силенъ въ доказа-
тельствахъ, и убѣдительно въ неответственной части;
если же онъ не прошелъ ее, то у него разсказы еще ме-
нѣе обратятъ на себя вниманіе присяжныхъ, но въ дока-
зательствахъ онъ окажется слабъ. Антифонъ занимаетъ
въ этомъ отношеніи середину. Вторымъ въ списокъ 10 ora-
торовъ стоитъ А н д о к и д ѣ, отъ котораго дошли
до насъ защитительныя рѣчи, произнесенныя имъ самимъ
въ собственныхъ процессахъ, и нѣкоторыя другія, «ἐκδ-
ικτικότητα» которыхъ оспаривается. Андрокидъ былъ силенъ,
и не проходилъ риторической школы, но въ всякомъ случаѣ
былъ не дѣлающимъ, а онъ силенъ въ неответственной
частяхъ и слабъ въ доказательствахъ.

Въ лицѣ двухъ слѣдующихъ ораторовъ Лисія и Исократъ,
дѣятельность которыхъ относится уже болѣею частью

кь IV віку до Р.Х., ми видимъ уже крупное нарицатель-
ческого ораторского искусства, освободившагося отъ
увлеченія риторическими крайностями и развивающагося
въ различныхъ направленіяхъ особаю, по-своему или другому
роду красноречія.

Лисіі й былъ старшимъ современникомъ Исократъ.
На Лисіи небезинтересно отбѣтитъ тотъ отпечатокъ, ко-
торый налагала афинская жизнь на иностранцевъ. Лисіі
по происхожденію не афинянинъ. Его отецъ, сиракузинъ
Мефалъ, переселился въ Афины по приглашенію Перикла.
Родился самъ Лисіі точно неизвѣстно, но въ молодос-
ти онъ долгое время жилъ въ южной Италіи (въ Туріяхъ -
городѣ, основанномъ Периклемъ на мѣстѣ древняго Сиба-
риса) и тамъ, можетъ быть, былъ ученикомъ упоминаемаго
выше Тисія. Такимъ образомъ онъ только большую часть
жизни провелъ въ Афинахъ. Богатый домъ его отца поль-
зовался тамъ извѣстностью, былъ однимъ изъ центровъ ду-
ховной жизни, и Платонъ въ началѣ "Политіи" говоритъ
о гостепріимствѣ Мефала, домъ котораго и является мѣ-
стомъ даннаго діалога. И Лисіі сталъ афиняниномъ въ ду-
хѣ, хотя правъ афинскаго гражданина получить ему не уда-
лось, не смотря на попытку, сдѣланную въ этомъ напра-
вленіи послѣ сверженія "тридцати". Онъ умеръ въ поло-
женіи *ιστελής*, т.е. привилегированнаго метейца. Поте-
рѣвъ все свое богатое состояніе въ правленіе тридцати,
онъ поздне принужденъ былъ добывать себѣ средства ora-

торскимъ искусствомъ. Но для него, какъ негражданина, ораторская кассидра была закрыта; недоступной была для него деятельность логографа и учителя краснорѣчія. Этой деятельности онъ и посвятивъ остальную жизнь. Изъ дошедшихъ до насъ рѣчей его, подлинность которыхъ не вызываетъ сомнѣнія, только одна была признана самимъ Лисіемъ, именно 12-ая, — рѣчь противъ Братодеева, виновника смерти лисіева брата Діонисія Рамнарнасскаго говоритъ, что въ это время онъ имѣлъ Лисія ходило до 425 рѣчей. Хотя около половины названныхъ не признавали за подлинныя, уже изъ самого числа рѣчей можно судить вообще о модѣ на Лисіа и объ его логографской производительности, такъ какъ вынуждены въ свѣтъ не все написанныя по заказу рѣчи.

Кромѣ заказныхъ судебныхъ рѣчей Лисій писалъ и читалъ также и рѣчи эпидейктическія. Платонъ въ діалогѣ "Федръ" говоритъ объ увлеченіи Лисіемъ; діалогъ начинается разказомъ о томъ, какъ восторженный поклонникъ краснорѣчія Федръ возвращается съ лекціи Лисія, захвативъ съ собою и конію, только что выслужанной рѣчи похвалы (ἐροτικὴς), которая Сократомъ потомъ разбирается. Спорно, конечно, подлинная ли это рѣчь самого Лисія или Платонъ ее составилъ въ подражаніе ему; но во всякомъ случаѣ она въ духѣ Лисія. Если оставить эту рѣчь съ дошедшими до насъ въ рукописяхъ Лисія, мы увидимъ, что у аѳинскихъ ораторовъ начала IV вѣка прово-